

**ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ СУБЪЕКТИВНЫМ ПРАВОМ
ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ИМУЩЕСТВЕННЫХ СОГЛАШЕНИЙ
МЕЖДУ СУПРУГАМИ**

Е. А. Лагунова

*Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)*

Поступила в редакцию 21 июня 2020 г.

Аннотация: рассматривается один из аспектов проблемы злоупотребления членами семьи принадлежащими им субъективными правами. Нередко супруги, обладая правом общей собственности на нажитое в браке имущество, заключают соглашение о его разделе или брачный договор, условиями которых могут ущемляться имущественные интересы как одного из супругов, так и их кредиторов. В связи с этим анализируется судебная практика по вопросам оспаривания подобного рода соглашений, исследуются существующие теоретические конструкции злоупотребления субъективным правом. Отмечается отсутствие единообразия в рассмотрении и разрешении судами соответствующих исковых требований в формирующейся ими в настоящее время практике. Автор приходит к выводу, что сделки супругов, заключенные с целью сокрытия имущества от кредиторов, являются случаем злоупотребления принадлежащим им субъективным правом общей совместной собственности, а также свободой заключения договоров.

Ключевые слова: общая собственность, имущество супругов, соглашение о разделе имущества, брачный договор, злоупотребление правом.

Abstract: the article deals with problem of abuse of rights by family members. At the same time spouses make a marital property agreement the terms of which infringe the property interests of their creditors. The article presents some materials concerning recent juridical practice on cases in which creditors invalidate such agreements. It is noted that judicial practice is not uniform. The author considers theoretical approaches of abuse of a subjective right. In conclusion, the author proposes to identify these agreements as an abuse of law and abuse of freedom to contract.

Key words: community property, property of spouses, family settlement, marriage contract, abuse of rights.

Семейным кодексом Российской Федерации¹ (далее – СК РФ) устанавливается режим общей совместной собственности на имущество, нажитое супругами во время нахождения в браке (ст. 34). По СК РФ супруги могут разрешить вопросы своих имущественных взаимоотношений, в том числе принадлежности совместного имущества, путем заключения

---

¹ Семейный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 01.10.2018) // Рос. газета. 1996. № 17.

особых соглашений: брачного договора (ст. 40) и соглашения о разделе имущества (п. 2 ст. 38).

Однако свобода супругов в заключении имущественных соглашений не может быть безграничной. Заключенные супругами семейно-правовые соглашения потенциально влияют на возможность их участия в гражданском обороте и могут затрагивать имущественные интересы третьих лиц, которые являются их кредиторами по гражданско-правовым обязательствам. Случается, что супруги, заключая брачный договор или соглашение о разделе имущества, злоупотребляют предоставленными им возможностями и формируют такие условия договора, которые нарушают права кредиторов, – тогда речь может идти о «фиктивных брачных договорах» и «фиктивных соглашениях о разделе имущества». Стремясь защитить свои имущественные права и интересы, кредиторы оспаривают такие сделки в судебном порядке.

Формирующаяся правоприменительная практика судов, рассматривающих иски кредиторов, не отличается единообразием, однако, на наш взгляд, можно обозначить, по крайней мере, две позиции: в одних случаях суды признают сделки мнимыми на основании ст. 170 Гражданского кодекса Российской Федерации² (далее – ГК РФ), в других – ссылаются на злоупотребление правом при совершении сделки на основании ст. 10, 168 ГК РФ. Важно отметить, что в последнем случае используется, главным образом, гражданско-правовой подход, хотя легального определения понятия «злоупотребление правом» ни ГК РФ, ни СК РФ не содержат.

Рассматривая вопросы злоупотребления в действиях супругов, осуществляющих право общей собственности, считаем необходимым придерживаться уже ставшего традиционным понимания субъективного права, изложенного в работах С. Н. Братуся³, Н. И. Матузова⁴, Ю. К. Толстого⁵ и других, как возможности определенного поведения субъекта, формируемой из определенных возможностей правомочий. Субъективное право общей совместной собственности супругов состоит из правомочий владения, пользования и распоряжения, что характерно для цивилистической конструкции права собственности и нашло отражение в действующем гражданском законодательстве (ст. 209 ГК РФ).

Заключение рассматриваемых соглашений есть реализация супругами правомочия распоряжения имуществом, предоставленного в рамках субъективного права общей совместной собственности. Уместно обратиться к высказыванию М. М. Агаркова, который полагал, что «распоряжение может осуществляться посредством воздействия на вещь (например, переработка, уничтожение) либо посредством юридических актов, т. е.

---

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 01.09.2018) // Рос. газета. 1994. № 238-239.

³ См.: Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 4.

⁴ См.: Матузов Н. И. Субъективные права граждан СССР. Саратов, 1966. С. 31.

⁵ См.: Толстой Ю. К. К теории правоотношений. Л., 1959. С. 68–69.

действий, направленных на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей по поводу вещи (например, отчуждение вещи, предоставление права пользования ею)»⁶. Следуя этой идеи, считаем, что правомочие распоряжения супругами общим имуществом может реализовываться не только путем отчуждения имущества, но и путем его раздела между супругами. Осуществление указанного правомочия может происходить как в судебном порядке путем предъявления требования о разделе имущества посредством иска, так и путем заключения имущественных соглашений и формирования его условий, что является проявлением действия принципа свободы договора в брачно-семейных правоотношениях⁷.

Согласимся с мнением ряда ученых о том, что брачный договор и соглашение о разделе имущества по своей правовой природе представляют собой семейно-правовые договоры, имеющие свою специфику. Так, по мнению Н. Н. Тарусиной, им присущи следующие особенности: цель, как правило, не имеет аналогов в гражданском праве; специфичный субъектный состав; влияние на «судьбу» договора «этических и иных социальных характеристик личности его участников»; ограничение свободы договора в выборе «контрагента», вида и содержания соглашения; направленность не на возникновение правоотношения, а на его конкретизацию; ограниченное применение к таким соглашениям гражданско-правовых норм⁸.

Что касается доктринального понимания злоупотребления субъективным правом, то оно отличается многообразием научных подходов. Широко известная монография В. П. Грибанова «Пределы осуществления и защиты гражданских прав» заложила фундамент для последующего построения современного учения о злоупотреблении правом. Его теория осуществления субъективного права, по нашему мнению, позволяет обозначить следующие признаки злоупотребления им: во-первых, оно возможно, лишь когда «управомоченный субъект обладает определенным субъективным правом»; во-вторых, оно связано с процессом осуществления права, т. е. с «совершением реальных, конкретных действий», заложенных в содержании права; в-третьих, это виновное и противоправное поведение, нарушающее нормы права или общие правовые принципы⁹.

⁶ Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. Т. 1 : Социальная ценность частного права и отдельных институтов общей части гражданского права. М., 2012. С. 149.

⁷ Учитывая специфику семейно-правовых отношений, говорить о полной свободе в заключении имущественных соглашений между супругами не приходится. Так, относительно содержания брачного договора законодатель установил ряд императивных правил (п. 3 ст. 42 СК РФ). Брачный договор не может содержать условия, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречат основным началам семейного законодательства.

⁸ См.: Тарусина Н. Н. Семейно-правовой договор : общая «феноменология духа» // Юридическая наука. 2016. № 2. С. 73–78.

⁹ См.: Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1992. С. 31–48.

В науке гражданского права категория злоупотребления правом активно развивается. Современная теория «целевых прав-обязанностей», предложенная В. И. Емельяновым, основана на том, что «предоставление любого субъективного права происходит в сочетании с установлением обязанности использовать его в определенных целях», что является инструментом, способным не допустить злоупотребление¹⁰. Из определения понятия злоупотребления правом В. И. Емельянова можно выделить следующие его признаки: действие (бездействие), причиняющее вред; оно осуществляется с использованием средства, которым являются различные субъективные права; имеет место при использовании права вопреки интересам других лиц; наконец, злоупотребление обязательно нарушает ту границу субъективного права, которая установлена предписанием осуществлять право в интересах другого лица.

В теории «легальной видимости» С. Г. Зайцевой особо выделяется такой признак злоупотребления правом, как внешняя «легальная видимость» этого явления. Реализуемое субъективное право с внешней стороны выглядит как правомерный поступок, однако, в сущности, представляет собой феномен злоупотребления правом¹¹.

В качестве обязательного признака злоупотребления правом в теории «интереса» признается отсутствие интереса в осуществлении права. Так, С. Д. Радченко, обобщая взгляды различных исследователей на категорию интереса при квалификации злоупотребления правом, приходит к выводу о том, что для квалификации злоупотребления правом, наряду с общим признаком отсутствия интереса в осуществлении права, должны быть сопутствующие признаки: намерение причинить вред другому лицу, наступление неблагоприятных последствий для другого лица, нарушение интересов других лиц¹².

Безусловно, каждая из названных выше теорий в определенной степени отражает отдельные аспекты злоупотребления правом, на их основе можно выявить ряд его признаков, например: 1) нарушение прав и интересов других лиц при осуществлении субъективного права его обладателем; 2) осуществление права в противоречии с целями, ради которых право предоставлено; 3) видимость легального осуществления права; 4) отсутствие у обладателя субъективного права реального интереса в реализации предоставленных правом возможностей.

Аналогичные признаки можно обнаружить и в случае заключения супругами фиктивных имущественных соглашений. Во-первых, такие соглашения лишают кредиторов возможности получить надлежащее исполнение по обязательству, в котором супруг является должником, что, безусловно, нарушает их права и интересы. Во-вторых, возможность

---

¹⁰ См.: Емельянов В. И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М., 2002. С. 45–60.

¹¹ См.: Зайцева С. Г. Злоупотребление правом как правовая категория (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. С. 21.

¹² См.: Радченко С. Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России. М., 2010. С. 14.

раздела супругами имущества, существующая в рамках субъективного права общей собственности, предоставлена в целях обеспечения согласованного доступа каждого из супругов к материальным благам, нажитым в браке. Соответственно, использование этого правомочия в иных целях, в том числе для избежания юридической ответственности, означает, что супруг осуществляет право в противоречии с целями, ради которых оно предоставлено. Здесь только на первый взгляд все выглядит правомерно: раз есть субъективное право, нет ничего неправомерного в том, что супруги это право реализовывают путем заключения соглашений. Но это только внешняя «видимость легального правоосуществления». Очевидно, что интерес супругов ограничивается стремлением сохранить свое имущество за счет кредиторов.

Судебная практика показывает, что в сферу семейного права проникают сформировавшиеся в гражданском праве теоретические подходы к юридической категории злоупотребления правом. Сделки супругов о разделе совместно нажитого имущества, в действительности совершенные для того, чтобы избежать обращения на него взыскания по обязательствам в пользу кредитора, суды признают недействительными. Нередко при этом они констатируют, что соглашение фактически не исполнялось и было направлено против имущественных интересов кредиторов, чьи права находятся под угрозой ввиду невозможности обращения взыскания на имущество супруга-должника. В качестве примера можно привести проанализированные нами отдельные споры, разрешенные судами общей юрисдикции.

Кредитор обратился в суд с иском к должнице о признании соглашения о разделе имущества, заключенного между ней и ее супругом, мнимой сделкой. Он указал, что ранее вынесенным решением суда были удовлетворены его требования к ней о взыскании задолженности и процентов по договору займа. Однако в связи с отсутствием у должника необходимого для взыскания имущества и денежных средств, взыскание в рамках возбужденного исполнительного производства приставами не производилось.

Истец также указал, что обращался в суд с заявлением о выделе доли должника в общем имуществе супругов – жилом доме, но при рассмотрении указанного иска ответчица представила суду соглашение о разделе совместно нажитого в браке имущества, из которого следовало, что другому супругу передается жилой дом и участок, а ей предметы мебели и техники, а также определенная компенсация. Истец полагал, что фактически никакого раздела имущества между бывшими супругами не было, соглашение о разделе имущества было представлено суду с целью создания видимости раздела совместно нажитого имущества и избежания обращения взыскания на супружескую долю. Суды первой и апелляционной инстанции согласились с его позицией о мнимости сделки, поскольку фактического единоличного владения и пользования супругом спорным домовладением после заключения соглашения не возникло, а супруга-должница по-прежнему зарегистрирована и проживает в спорном домовладении¹³.

---

¹³ Апелляционное определение Астраханского областного суда от 9 декабря 2015 г. по делу № 33-4207/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Практике известны случаи, когда один из супругов обращался в суд с требованием об освобождении от ареста и исключении из описи имущества, которое по условиям соглашения о разделе якобы перешло в его собственность.

Разрешая подобный спор, суд установил, что супруги состоят в зарегистрированном браке. Однако при наложении ареста на имущество супруги не сообщили судебному приставу-исполнителю о существующем на тот момент соглашении о разделе имущества. Кроме того, наличие соглашения не было отражено в акте о наложении ареста (описи имущества). Поэтому суд пришел к выводу о том, что фактически соглашение заключено не было, а представленное истицей соглашение о разделе общего совместного имущества супругов свидетельствует о желании последней избежать обращения взыскания на имущество ее супруга. В удовлетворении требований об освобождении имущества от ареста было отказано¹⁴.

Приведенная выше практика демонстрирует подход к таким сделкам как мнимым. При квалификации суды учитывают, что несмотря на наличие письменного соглашения о разделе имущества, в действительности оно не реализовано, раздела не произошло, правомочия владения и пользования не перешли к другому супругу.

Однако случается, что, ссылаясь на реализацию супругами права на раздел общего имущества, суды фиктивные соглашения мнимыми сделками не признают.

Так, рассматривая иск об оспаривании соглашения о разделе имущества по мотиву его мнимости, суд в иске отказал, указав, что «ответчики, заключив договор, реализовали закрепленное в п. 2 ст. 38 СК РФ право о разделе общего имущества в добровольном порядке». При этом оспариваемый договор был совершен в письменной форме и заверен нотариусом¹⁵.

Таким образом, судебная практика свидетельствует о том, что фиктивные соглашения о разделе имущества супругов оспариваются кредиторами на основании положений ГК РФ о недействительности сделок, поскольку нормы ГК РФ о заключении, изменении, расторжении и признании недействительными сделок применимы к любым семейно-правовым сделкам, несмотря на то что прямые отсылки к ГК РФ имеются лишь для брачного договора и для соглашения об уплате алиментов (п.1 ст. 44 СК РФ, п. 1 ст. 101 СК РФ). Применение гражданского законодательства к таким правоотношениям не противоречит их существу (ст. 4 СК РФ).

Злоупотребление правовыми возможностями, которыми обладают супруги – собственники имущества, находит проявление и в фиктивности заключаемых ими брачных договоров. Нельзя не согласиться с Н. Н. Та-

---

¹⁴ Кассационное определение Орловского областного суда от 21 декабря 2011 г. по делу № 33-1855. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 19 февраля 2015 г. по делу № 33-2644/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». По нашему мнению, заверение соглашения у нотариуса в принципе не исключает его фиктивности, поскольку учитывается не форма соглашения, а истинные намерения сторон на исполнение сделки. Нотариальная форма исключает лишь подделку соглашения прошедшей календарной датой.

русиной, что «фиктивный брачный договор также есть разновидность фиктивной сделки. Признание его недействительным осуществляется по правилам ГК РФ, на что указывает бланкетная норма ч. 1 ст. 44 СК РФ. Цели данного деяния аналогичны фиктивному разделу имущества»¹⁶. В связи с этим необходимо предусмотреть в нормах семейного законодательства положения о сущности и последствиях фиктивности в нормах семейного законодательства.

В практике судов также встречаются споры об оспаривании брачных договоров по основаниям, предусмотренным ГК РФ для недействительности сделок.

Так, по одному из дел суд первой инстанции отказал в удовлетворении исковых требований кредиторов о признании брачного договора недействительным. Однако суд апелляционной инстанции признал брачный договор, по условиям которого все совместно нажитое имущество супругов переходило в собственность супруге, недействительным на основании ст. 10 и 168 ГК РФ. В апелляционном определении указывалось на ряд важных для дела обстоятельств, в частности, на то, что брачный договор супругами был заключен в период после возбуждения уголовных дел в отношении супруга, в день проведения обыска по месту его жительства. При заключении брачного договора супругам было известно о наличии имущественных притязаний к супругу со стороны третьих лиц – кредиторов. По условиям оспариваемого договора все совместно нажитое супругами с 1985 г. имущество переходило в единоличную собственность супруги, без выплаты супругу какой-либо компенсации, как это предусмотрено п. 3 ст. 38 СК РФ. Судебная коллегия пришла к выводу, что действия сторон по заключению оспариваемого брачного договора нельзя признать добросовестными. Договор был признан недействительным по основаниям, предусмотренным ст. 10 и 168 ГК РФ, поскольку при его заключении со стороны ответчиков было допущено злоупотребление правом¹⁷.

Имеется судебная практика, где суды признавали брачное соглашение мнимой сделкой, совершенной лишь для вида, без намерения создать соответствующие ей правовые последствия (ст. 170 ГК РФ).

Так, Президиум Амурского областного суда, пересматривая дело в порядке надзорного производства, указал следующее. «В случае, если брачный договор заключался с иными намерениями, в том числе с целью избежать ответственности по обязательствам одного из супругов, он не был направлен на возникновение соответствующих ему правовых последствий. При этом последующие правовые последствия договора, в том числе в виде формального перехода права собственности, не восполняют отсутствие подлинной воли сторон при его заключении и приросту сделки как мнимой не изменяют»¹⁸.

---

¹⁶ Тарусина Н. Н. Семейное право : очерки из классики и модерна. Ярославль, 2009. С. 420

¹⁷ Апелляционное определение Челябинского областного суда от 9 марта 2017 г. по делу № 11-1896/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁸ Постановление президиума Амурского областного суда от 5 июля 2010 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В некоторых случаях суды не находят оснований для признания брачного договора недействительным.

Например, в одном из дел кредитор оспаривал брачный договор, по условиям которого все имущество и общие долги супругов по кредитному договору перешли супруге должника. Суд первой инстанции в удовлетворении иска отказал. Истец обжаловал решение, ссылаясь на то, что брачный договор недействителен по двум основаниям: мнимость сделки и несоответствие ее требованиям закона в связи со злоупотреблением правом, допущенным при совершении сделки. Первый довод апелляционной жалобы истца суд отклонил, указав, что оснований для признания брачного договора ничтожным по признакам его мнимости в материалах дела не усматривается. «Цель брачного договора – установить раздельный правовой режим имущества, приобретенного супругами Н-выми в браке, была достигнута, право собственности на спорное недвижимое имущество зарегистрировано за Н.Н. на основании договора купли-продажи и оспариваемого брачного договора». Второй довод также был отклонен: «Истцом не представлено достоверных доказательств, подтверждающих, что действия ответчиков при заключении брачного договора являлись злоупотреблением правом, так как были направлены исключительно на создание условий для уклонения Н.О. от исполнения определения Нижегородского областного суда от 22.07.2014, в связи с чем оснований для признания брачного договора, заключенного между Н.Н. и Н.О. недействительным не установлено. При этом из представленных документов следует, что брачный договор был исполнен в момент подписания, вместе с активами в виде недвижимого имущества в собственность Н.Н. перешли и пассивы в виде задолженности по кредитному договору, заключенному для приобретения этого имущества»¹⁹.

Представляется, что в данном случае, отказывая в удовлетворении требований, суды учли состоявшийся справедливый раздел имущества и задолженности, а также действительное намерение сторон установить раздельный правовой режим имущества.

В другом деле суд первой инстанции отказал в удовлетворении требований кредиторов о признании брачного договора недействительным на основании ст. 168 ГК РФ, поскольку договор отвечал установленным законом требованиям, предмет договора содержал подробные характеристики разделенного имущества, соглашение подписано сторонами, что свидетельствует о том, что волеизъявление сторон на возникновение предусмотренных соглашением последствий было добровольным, доказательств, свидетельствующих, что оспариваемой сделкой нарушены права истцов по делу, суду в соответствии со ст. 12, 56, 57 ГПК РФ не представлено. К тому же у супругов имелись объективные обстоятельства к заключению вышеназванного брачного договора на дату его подписания – необходимость отчета и выполнения обязательства по распоряжению денежными средствами материнского капитала²⁰.

---

¹⁹ Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 29 мая 2018 г. по делу № 33-5271/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁰ Апелляционное определение Воронежского областного суда от 5 июля 2018 г. по делу № 33-4395/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Как видно, судебная практика по вопросам признания брачных договоров недействительными не отличается однообразием. В аналогичных спорах суды применяют положения либо ст. 170 ГК РФ о мнимых сделках, либо ст. 10 и 168 ГК РФ о сделках, нарушающих требования закона в части игнорирования запрета на злоупотребление правом. Причем по второму варианту складывается более поздняя судебная практика. Возможное объяснение этой тенденции мы видим в сложностях применения ст. 170 ГК РФ. Как известно, у мнимых сделок отсутствует признак направленности воли лиц, совершающих сделку, на определенные правовые последствия. Стороны сделки не стремятся к тому, чтобы такое волеизъявление повлекло за собой присущие ей гражданско-правовые последствия, а преследуют иную цель. Для признания сделки мнимой на основании ст. 170 ГК РФ суду необходимо установить все обстоятельства, с очевидностью об этом свидетельствующие, что в действительности сделать непросто.

В приведенных примерах присутствует видимость совершения сделки для кредиторов, сокрытие имущества с целью избежать ответственности перед третьим лицом по гражданско-правовому обязательству с ним. Специалистами отмечается, что «в судебной практике до реформы ГК РФ сложился подход, согласно которому в случае, если совершение сделки сопровождалось явным злоупотреблением правом и при этом в законодательстве отсутствует поименованный состав недействительности, применимый в сложившейся ситуации, такая сделка, противоречащая императивному запрету на злоупотребление правом, признается недействительной на основании совместного применения пункта 1 статьи 10 и статьи 168 ГК РФ»²¹. Согласно этому подходу, сделки, направленные на вывод активов должника от кредиторов перед банкротством, совершенные с целью уменьшения конкурсной массы должника, признавались недействительными на основании ст. 168 ГК РФ, со ссылкой на нарушение установленного в ст. 10 ГК РФ явного запрета на злоупотребление правом.

В основе такой квалификации лежит признак нарушения интересов третьих лиц, который может быть использован и в отношении рассматриваемых имущественных соглашений между супругами. Действительно, ситуации похожи: сделки должников по делу о банкротстве и соглашения супругов направлены на вывод активов от кредиторов, избежание ответственности. Признавая фиктивные брачные договоры недействительными сделками на основании ст. 10 и 168 ГК РФ, а не ст. 170 ГК РФ о мнимых сделках, суды переносят уже сложившуюся судебную практику по оспариванию сделок по выводу имущества во вред кредитору на случаи заключения фиктивного брачного договора.

---

²¹ Сделки, представительство, исковая давность : постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В. В. Байбак [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М., 2018. С. 278–279.

Если мнимые сделки совершаются для того, чтобы создать у третьих лиц ложное представление о намерениях, то сделки, сопряженные со злоупотреблением правом, совершаются как для того, чтобы создать у третьих лиц ложное представление о намерениях участников сделки, так и с целью нарушения прав и интересов кредиторов, рассчитывающих на получение надлежащего исполнения по обязательствам. Учитывая направленность воли супругов, заключение ими фиктивных соглашений относительно нажитого в браке имущества есть не что иное, как злоупотребление субъективным правом общей совместной собственности.

Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

*Лагунова Е. А., аспирант
E-mail: lena_piter@mail.ru*

Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice

*Lagunova E. A., Post-graduate Student
E-mail: lena_piter@mail.ru*